

временной власти» (Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. С. 92). Для нее, полагал А. Б. Николаев, характерно «стремление сохранить, насколько это было возможно, старый правительственный аппарат». Представляется, однако, что это утверждение нуждается в существенной оговорке. Сохранение «старого аппарата» было для Временного комитета не самоцелью, а необходимостью. При первом удобном случае старые чиновники увольнялись. Неудивительно, поэтому, что только в течение марта высшая ведомственная бюрократия обновилась почти на треть.

⁶⁰ Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С. 43, 44.

⁶¹ Куликов С. В. Временное правительство. С. 30. Неправ поэтому, В. И. Старцев, утверждавший, что Временное правительство «всячески стремилось хоть что-нибудь спасти из старой системы управления. Это особенно удалось ему в области сохранения старых кадров чиновничества, в том числе и самого высшего» (Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 169). Как раз именно сохранение «старых кадров» «самого высшего» чиновничества Временному правительству не удалось, поскольку такой цели оно перед собой не ставило.

⁶² Михайловский Г. Н. Записки. С. 260.

⁶³ Пенсионная практика Временного правительства. С. 249, 250.

⁶⁴ Куликов С. В. Временное правительство. С. 33–35, 36, 38.

⁶⁵ Завадский С. В. На великом изломе. С. 13.

⁶⁶ Куликов С. В. Временное правительство и высшая царская бюрократия. Р. 82.

⁶⁷ Журнал заседания Временного правительства № 3. 4 марта 1917 г. // Февральская революция. 1917 г. С. 166.

⁶⁸ Пенсионная практика Временного правительства. С. 250.

⁶⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 134.

⁷⁰ Набоков В. Д. Временное правительство. С. 27.

⁷¹ Демьянов А. А. Моя служба при временном правительстве. С. 96.

⁷² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 134.

⁷³ Подробнее о деятельности Чрезвычайной следственной комиссии см.: Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: Замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118.

⁷⁴ Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 321.

⁷⁵ Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 11.

⁷⁶ Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 162.

⁷⁷ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С. 51.

Е. Ю. Дубровская

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ ИМПЕРИИ В ФИНЛЯНДСКОЙ СТОЛИЦЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СИМВОЛИКИ ГЕЛЬСИНГФОРСА В 1917 г.

Изучение армейской и флотской повседневности российских военных, оказавшихся в период Первой мировой войны в Финляндии, представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах поведения военных позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизо-

ванных под ружье и служивших на северо-западном рубеже воюющей Российской империи. Одним из аспектов окружавшей их реальности стало городское пространство столицы Великого княжества Финляндского — г. Гельсингфорс (Хельсинки).

Уже в первые дни революции 1917 г. топографический текст финляндской столицы наполнялся новым символическим содержанием, вбирал продиктованную временем символику преобразования действительности. В годы Первой мировой войны в Финляндии осуществлялось сразу несколько «имперских» национальных политик. «Гражданская» в большей степени учитывала специфику региона и опиралась на традиции управления краем в мирное время. Политика же командования войск, располагавшихся в Великом княжестве, формировалась под влиянием военного времени и предполагала вторжение военных в важнейшие сферы государственного управления.¹

Война разрушала традиции имперской политики, а параллельное существование в Финляндии гражданских и военных властей вело к постоянным столкновениям и противодействию финляндской гражданской администрации всех уровней начинаниям и требованиям военных. В обстановке революционных потрясений 1917 г. многое во взаимоотношениях жителей Гельсингфорса и военнослужащих определялось стихийными настроениями матросов и солдат, сошедших с кораблей, вышедших из казарм на улицы столицы Финляндии.

Цель настоящего исследования — взглянуть на пространство «своего»—«чужого» города глазами российских военных, проследить за стремлением матросов и солдат к символическому освоению этого пространства в обстоятельствах, когда место их службы осталось прежним, но изменилось само время. Это позволяет не только сделать наблюдения над многолетним семиотическим присутствием империи в городской среде финляндской столицы, но и увидеть, как политический переворот сопровождался переворотом символическим, как в новой ситуации ритуализировалось поведение военных.

История русских войск, располагавшихся в Финляндии, восходит к событиям начала XIX столетия, когда при Александре I Финляндия была присоединена после войны со Швецией к Российской империи, получив статус автономного Великого княжества. Водружение в мае 1808 г. флага с двуглавым орлом над шведской твердыней — Свеаборгской крепостью ознаменовало начало «русского» периода финляндской истории. Гельсингфорс в 1812 г. был избран Александром I в качестве столицы княжества как город, ближе расположенный к Санкт-Петербургу и, следовательно, более подходящий для этой роли по сравнению с прежней столицей Турку (Або), городом, близким к Швеции и по духу, и географически.²

С приобретением большой гавани достигалась одна из целей завоевания Финляндии, а с перенесением столицы в Гельсингфорс Россия тверже закрепилась на северном побережье Финского залива. Крепость Свеаборг прикрывала подступы к новой столице благодаря трем глубоким гаваням, береговым и островным укреплениям и батареям. Гельсингфорс обещал превратиться в крупнейшую базу русского флота, что и произошло к началу мировой войны.³

Первоначально российские войска располагались в островной крепости, откуда и началось «освоение» пространства города. Затем рядом со Свеаборгским портом на острове Скатудден (Катаянокка) появились морские казармы. Под влиянием Петербурга город виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная столица» княжества, и как центр административного управления. Идеал военной столицы,

обусловивший ее претензии на олицетворение имперской власти в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке».⁴

Частью архитектурного облика города и монументальным выражением могущества империи стали казармы. Вместе с армией в Гельсингфорс прибыла специальная инженерная команда для проектирования и строительства казарм. В конце 1820-х гг. в районе Круунунхака появились казармы для жандармов и казаков, а в начале 1830-х — Абоские казармы на тогдашней окраине города. Самым значительным среди гражданских зданий, возведенных при участии военных инженеров, стал русский Александровский театр.⁵ Из-за сходства в росписи потолка зала с петербургским прототипом театр называли «малым Мариинским».

Унионская улица, находившаяся в центре города, получила название в честь унии, заключенной в 1809 г. между российским монархом и Великим княжеством. На ней по соседству с казармами был построен русский военный госпиталь в неоклассическом стиле, действовавший в этом качестве до конца апреля 1918 г.⁶ Казарменная улица получила имя от здания гвардейских казарм, на ней располагался и Гвардейский манеж.

Главным символом императорской власти стал один из красивейших городских ансамблей Европы — монументальный комплекс в стиле ампир — административный центр Сенатской площади. Ансамбль формировался почти полвека с 1818 г., включив здания Императорского Сената и Императорского Александровского университета (канцлерами университета были русские монархи), а также находящуюся чуть поодаль старейшую православную церковь Гельсингфорса — Храм Святой Троицы. С 1852 г. над площадью возвышается здание лютеранского Николаевского кафедрального собора, напоминающего Исаакиевский собор в Петербурге.

В конце XIX в. на Сенатской площади установили памятник Александру II, чье правление было отмечено расширением автономных прав Великого княжества и улучшением положения финского языка. К площади примыкали улицы, носившие имена членов императорской фамилии — Николаевская, Константиновская, Мариинская, Екатерининская, Еленинская. Их пересекала главная «парадная» улица — Александровская, названная в 1833 г. в честь Александра I. Увековечению его памяти служил бронзовый бюст императора у университетской библиотеки, которая также выходит фасадом на Сенатскую площадь.

Среди достопримечательностей, отмеченных на плане предреволюционного Гельсингфорса, можно обнаружить «Дом сословий», построенный в 1891 г. для собраний недворянских депутатов финляндского сейма (до 1906 г. сейм состоял из четырех палат и сохранялся таким, каким он был в «шведский» период финляндской истории). Российских военнослужащих, не знакомых с традициями финляндского парламентаризма, военные власти информировали об этом государственном институте с помощью специальных пособий. К ним относится и «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего ее устройства», подготовленный ротмистром Ильиным для унтер-офицеров.⁷

Фронтон «Дома сословий» украшает барельеф, изображающий сцену провозглашения Александром I на сейме в Борго (Порвоо) в 1809 г. автономного статуса Великого княжества, когда представители Финляндии присягнули на верность императору, а тот обещал сохранять законы шведского времени и лютеранское вероисповедание.

На Торговой площади города с ее Эспланадной пристанью, являвшейся водными воротами Гельсингфорса, приезжего встречали Мариинский дворец — резиденция

русского императора и дом генерал-губернатора края. В центре площади возвышался «Камень (или Обелиск) императрицы», увенчанный позолоченным двуглавым орлом — первый городской монумент, установленный в 1835 г. в память о посещении Гельсингфорса императором и императрицей. Торговая площадь стала традиционным местом появления перед финляндцами русских царей. Площадь приобрела статус особого, освященного присутствием монархов городского пространства, что в 1917 г. сделает ее особо притягательной для солдат и матросов.

Уроженка Гельсингфорса вспоминала церемонию встречи Николая II и цесаревича в феврале 1915 г. Финских школьников расставили шпалерами, через которые прошли августейшие гости. «Помню, как нужно было стоять на Торговой площади, напротив нынешнего президентского дворца, из него вышли царь с сыном, шагали важно, отдавая честь, а мы приветствовали их здравицей в честь Великого князя Финляндского и наследника».⁸

С площади открывался вид на величественный православный Успенский собор из красного кирпича, построенный на скале в конце XIX в. по проекту архитектора А. М. Горностаева, автора многих строений на острове Валаам. У подножия храма можно было видеть еще один монумент имперской культуры города — «часовню мира», установленную в честь заключения мирного договора в 1809 г., по которому Швеция уступила Финляндию России. Часовня должна была служить мерилom исторической памяти подданных Российской империи, подобно упоминавшимся объектам городской среды. Однако этот символ имперской власти нельзя обнаружить на карте современного Хельсинки. Разрушенный после гражданской войны 1918 г. он, по-видимому, больше других ассоциировался с русской властью, которая ушла в прошлое, но была подвергнута уничтожению, теперь уже ритуальному. Сходная судьба постигла и православный собор Александра Невского в Свеаборгской крепости, перестроенный сначала в маяк, а затем в лютеранскую церковь.

В августе 1914 г., в первые дни войны, среди населения княжества возникли слухи о том, что Выборг и половина Гельсингфорса сожжены, крепость Свеаборг, по одной версии, подверглась нападению и взята, по другой — сама расстреливает Гельсингфорс, а его жители «вследствие невероятных притеснений и лишений бегут, причем все это происходит по вине русских, объявивших войну Финляндии».⁹

Восприятие Свеаборга как символа «русскости» и «имперства» отразилось в апрельской 1918 г. публикации на страницах гельсингфорсской шведоязычной газеты «Hufvudstatsbladet». Заметка, появившаяся после занятия Гельсингфорса немецким экспедиционным корпусом, свидетельствует о том, что Свеаборг в восприятии жителей города был связан с постоянной военной угрозой со стороны России. Автор с удовольствием отмечал: «Свеаборг уже не русский. Весенние ветры с Финского залива обвевают Эренсвардовские бастионы, и потрепанный бело-красный флаг, последний признак русских, указывает на это подчинение». Территория, которая прежде не могла служить местом прогулки репортеров финляндских газет и, вероятно, увиденная автором впервые, даже после вывода войск воспринималась как чужеродный анклав: «Местность производит заметно русское впечатление: церковь и большие белые казармы и офицерские здания. Небольшие низкие дома разбросаны повсюду без всякого плана, часто помещая в себе какую-нибудь лавку и едва ли усиливая собой мощь крепости. Сельская идиллия перемешивается с крепкими военными сооружениями. Громадные, типично

русские кучи отбросов с массою пустых банок из-под консервов близ казематов и погребов с боевыми припасами... На наружных бастионах, откуда видно открытое море, за окопами скрываются замысловатые лафеты, дальнобойные пушки, с которых заблаговременно были увезены замки, побежденной нации. Некоторые из колоссов еще остаются и глядят в бессильной ярости вдаль за горизонт. Немецкая комендатура железною рукою восстанавливает порядок».¹⁰

А. И. Куприн в начале войны служил офицером в Великом княжестве (он посещал Финляндию более десяти раз в различные периоды жизни, неизменно относился к ней с любовью).¹¹ В 1933 г. в последней статье, посвященной стране Суоми, он отметил переплетение «своего» и «чужого» в культуре независимой Финляндии и перечислил те явления, которые «будут надолго, если не навсегда напоминать ее жителям о русской культуре»: «Это, во-первых, лиственная аллея, посаженная Петром I в Куоккала, во-вторых, Сайменский канал, где на последнем шлюзе выгравирована четкая надпись „Построен русскими солдатами по повелению Николая I в таком-то году“, в-третьих, Свеаборгская морская крепость, в-четвертых, памятник императору Александру II против Сената и в-пятых, Александровская улица, Александерсгатан».¹²

Примечательно, что литератор, хорошо знакомый с историей края, упомянул крепость, построенную шведами в XVIII в., как памятник русского военно-инженерного искусства. Рядовые же военнослужащие безоговорочно воспринимали Свеаборг как «освоенное» пространство, «островок» России, защищенный от внешнего, подчас враждебного мира.

И в то же время для армейцев и экипажей кораблей Гельсингфорс был самым желанным местом отдыха. Матросы, получившие увольнение на берег, сначала попадали в порт, а затем расходились по знакомым им в городе местам. Самым привлекательным из таких мест являлся парк — Брунс-парк, располагавшийся вблизи порта и предлагавший военнослужащим широкий выбор развлечений.¹³

«Иностраннный» характер города беспокоил армейское и флотское командование. По воспоминаниям капитана 1-го ранга С. Н. Тимирева, флаг-капитана командующего Балтийским флотом, Гельсингфорс считался среди русских офицеров «центром германского шпионажа и разрушительной революционной работы». Одной из причин такого предубеждения стал «состав населения», говорящего «на чуждом языке» и «в некоторых своих слоях настроенного германофильски». Опасение вызывала и «продолжительная стоянка больших кораблей (1-я и 2-я бригада линкоров, 2-я бригада крейсеров, эсминцы и миноносцы, всего более ста кораблей действующего флота. — Е. Д.) в Гельсингфорсе». По словам С. Н. Тимирева, частые посещения матросами берега давали агитаторам «полную свободу ведения самой широкой революционной пропаганды среди команд».¹⁴

Однако возможностей сойти на берег у матросов было не так много, в частности, на 1-й бригаде линейных кораблей их увольняли в город раз в 7–10 дней. Один раз в неделю команда того или иного корабля в качестве поощрения за службу выводилась в Гельсингфорс «на прогулку», и это становилось настоящим парадом моряков, проходивших через весь город.¹⁵

Зачастую парады русских войск, призванные демонстрировать силу режима, воздействовали на эстетические чувства населения, не искушенного в политике, вдохновляли эмоционально, а военные оркестры оживляли жизнь гарнизонных городов, влияли на музыкальную культуру великокняжеской столицы.¹⁶

Однако проявлявшееся русскими властями в разгар борьбы с так называемым пан-феннизмом пренебрежительное отношение к ценностям национальной культуры не оставалось незамеченным жителями Гельсингфорса. Заложниками в этих столкновениях становились российские военные. Финская интеллигенция, прежде всего шведоязычная, настроенная антирусски, обвиняла их в непочтительном отношении к национальным святыням.

В марте 1914 г. в газете «Nya Pressen» появилась заметка «Русские войска поют на улицах». Автора возмущало, что в финляндской столице «русские военные, кажется, считают ул. Рунеберга подходящей для своих променадов»: «... в двенадцатом часу дня команда солдат, распеваящих во все горло, прошла по северной Эспланаде мимо памятника Рунебергу на Казарменную ул. Нужно бы как можно скорее положить конец этому, почти что ежедневному пению и оранию войск на улицах нашей столицы».¹⁷

В «Hufvudstadsbladet» некий «Гражданин» выражал негодование по поводу того, что русские моряки стали пользоваться Железнодорожной (Вокзальной) площадью для своих занятий: «Движение на самых оживленных частях города прерывается на несколько часов к большому неудобству публики и к весьма малому удовольствию тех, кто живет у нашей центральной площади». Полемизируя с автором, правительственная «Финляндская газета» писала: «Добрая часть этих мест учений бывает заполнена толпой городских обывателей, которым, судя еще и по доброжелательному выражению их лиц, учения эти вовсе не неприятны».¹⁸

Так или иначе, Гельсингфорс оставался для военнослужащих особым, отчужденным от русского культурного контекста миром, и не только в силу иноязычного окружения. Оппозиция «восток/запад» на уровне восприятия символов остро ощущалась выходцами из России, несмотря на государственную и имперскую семиотику центра великокняжеской столицы. С конца XIX в. в Гельсингфорсе строились здания с высокими башнями и толстыми стенами из серого гранита в национально-романтическом направлении северного модерна. Этот стиль получил, как и в Германии, название «югенд». Над городом возвышалась католическая церковь Св. Генриха в Кайвопуйсто, немецкая кирха, огромная Бергхальская церковь. Необычными казались здание Рыцарского зала в неоготическом стиле, украшенные растительным и животным орнаментом здания Национального музея и Национального театра, «Фонтан Вальгрена» — скульптурный комплекс «Хавис Аманда» на Торговой площади, ставший символом города, и монумент жертвам кораблекрушения на холме вблизи Обсерваторской горки. С пьедесталов памятников смотрели незнакомые изваяния — собиратель рун эпоса «Калевала» Элиас Леннрут, Фредрик Пациус, написавший музыку национального гимна «Наш край», поэт-классик Йохан Людвиг Рунеберг, автор текста гимна.

К весне 1917 г. концентрация войск в финляндской столице значительно увеличилась. Еще в марте 1915 г. в Свеаборге насчитывалось 4 тыс. военнослужащих. В казармах на территории Гельсингфорса, в его окрестностях и на островах, составлявших линию обороны города и крепости, — до 5 тыс. человек. Согласно же приказу № 92 по Свеаборгской крепости, к 4 марта 1917 г. численность сухопутных войск, размещенных в городе и крепости, выросла до 20 698 человек.¹⁹

Из-за недостатка казарменных помещений они занимали здания финских народных школ. В них размещались все батальоны 510-го Волховского и 511-го Сычевского, роты

428-го Лодейнопольского и 509-го Гжатского полков.²⁰ Военнослужащие «осваивали» новые городские пространства. Иногда «освоение» приводило к курьезам, подобно тем, о которых рассказала уроженка Гельсингфорса А. Йортикка в воспоминаниях о своем детстве (предположительно они связаны с солдатами 2-го Свеаборгского артиллерийского полка, одна из его рот стояла в районе городского кладбища): «Поскольку кладбище Хьетаниеми располагалось поблизости, то солдаты заходили туда — посмотреть и полюбоваться красивыми траурными лентами на венках. Мы ходили поглядеть, как они живут в лагере. Видели, как они разожгли костер, спилили дерево, увидев нас, они заулыбались, так как смогли обратиться к нам по-фински»: солдаты произнесли расхожее финское ругательство, по-видимому, единственное из известных им выражений, «а потом пришел еще один солдат, на шее которого красовалась ленточка от венка с надписью „Последний привет от семьи Лунден“».²¹

Военные «осваивали» территорию мест погребения и в прямом, и в переносном смысле. Дети наблюдали церемонию проводов простых деревянных гробов, «в сопровождении 6–8 русских солдат и команды трубачей, игравших русский боевой гимн», на близлежащее кладбище.²²

С начала войны в больницах Великого княжества выделили несколько сотен коек для раненых. Солдат и офицеров с фронта привозили на лечение в Гельсингфорс.²³ Умерших же хоронили на русском военном кладбище. По воспоминаниям А. Йортикка, погребение «знати и офицеров» проходило на русском православном кладбище в Лаппинлахти. Гельсингфорс был городом многонациональным и поликонфессиональным. Среди мигрантов из России русские составляли самую многочисленную этническую группу. Но вместе с войсками в Финляндию прибывали уроженцы Прибалтийских губерний, поляки, евреи, татары. Мусульманские и еврейские кладбища, однако, в отличие от православных не разделялись на «офицерские» и «солдатские». За более чем вековой период кладбища, где покоились сотни соотечественников,²⁴ становились для военнослужащих «кусочком» российской территории и неофициальным местом поклонения далекой родине.

Другим местом, напоминавшим солдатам о России, но не наделявшим сакральным смыслом, стали безлюдные скалы в живописных окрестностях города, которые солдаты и матросы называли «Карпатами». Это было излюбленное место досуга, которое в 1917 г. в обстановке наступившей «свободы» стало символом веселого времяпровождения с игрой в «орлянку» и алкогольными излишествами.²⁵

«Карпаты», как и другие городские пространства, удаленные от парадных улиц и площадей (парки Кайсаниеми, Цисперия), воплощали представления военнослужащих о «периферии», оппозиционной официальному «центру», с допустимыми для маргинальных территорий нарушениями поведенческих норм, функционированием бытовых практик социальных низов, криминогенностью. Об этом сохранилось множество свидетельств. Показательны звучавшие весной 1917 г. призывы читателей гельсингфорских и абоских «Известий» не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу».²⁶

С маргинальным статусом жителей окраин и девиантным поведением ассоциировались у военнослужащих разные «кофейни», воспринимавшиеся как «нечистые» места городского пространства. В письмах в редакцию «Известий Гельсингфорского совета» приводятся адреса таких заведений, где собирались и финны, и русские солдаты, и

матросы. Невзирая на запреты, там производилась продажа крепких напитков, процветала проституция, а бродячие торговцы сбывали всевозможные вещи, преимущественно краденые. Авторы заметок предостерегали от посещения таких мест, где заражена «атмосфера спиртом», советовали не ходить на знаменитый гельсингфорсский рынок возле Абоских казарм, на котором из-под полы велась торговля обмундированием и казенным имуществом.

Примечательно, что обсуждение матросами и солдатами первых неофициальных сведений о революции в Петрограде происходило 3 марта 1917 г. в «известных столовых и кофейнях», в этом маргинальном пространстве города. Здесь нижние чины собирались группами в 5–12 человек, договаривались выступить на следующий день по орудию сигналу.²⁷ Такое же постановление вынесли участники матросского митинга за Петроградским мостом.²⁸

Однако восстание на линкоре «Андрей Первозванный» в ночь на 4 марта опередило эти намерения. Стихийное выступление команд 2-й бригады линкоров сопровождалось страшными расправами над офицерами. Упоминание об этих расправах впоследствии табуировалось, и в речи матросов и солдат заменялось датой, хорошо всем понятной. Гельсингфорсский совет депутатов армии, флота и рабочих, взявший на себя руководство политической жизнью военнослужащих в Финляндии, уже 10 марта по ходатайству особой цензурной комиссии постановил уничтожить письма, «восхвалявшие убийства во время революции вообще и в частности убийства офицеров».²⁹

С «периферии» Гельсингфорса, какой оставались в представлениях военнослужащих разбросанные по городу казармы, кофейни и отдаленные места проведения митингов, восставшим предстояло двинуться в центр финляндской столицы, воспринимавшийся как двойник имперского Петрограда, который надо было завоевать.

Первые сведения о событиях в имперском центре России просачивались в виде слухов и порождали страх, тревогу и неуверенность. Поиск «врага» переносился извне во внутрь окружения военных, и врагом мог оказаться каждый. Еще в полдень 3 марта матросы береговой роты минной обороны, не получавшие официальных сведений о происходившем в Петрограде, собрались во дворе казарм, чтобы выйти в город на демонстрацию. Однако командующий флотом вице-адмирал А. И. Непенин запретил любые манифестации, мотивируя это распоряжение тем, что в городах Финляндии «население нерусское», и демонстрации военных могут «послужить соблазном для населения».³⁰ Именно матросы в первые мартовские дни 1917 г. воспринимались офицерами как главная угроза порядку и спокойствию в городе.

С утра 4 марта в центр великокняжеской столицы стали стекаться колонны рядовых военнослужащих. Их прохождение через «сакральные» точки пространства города стало явным нарушением приказа высшего флотского начальства. Это была демонстрация символической «сопричастности» к революционным событиям в Петрограде и формой протеста против недостаточного информирования о них командующим, который попытался удержать матросов и солдат «вне политики».³¹

Прежнее противостояние имперского–финляндского в политической топографии Гельсингфорса усиливалось новой оппозицией буржуазного–демократического, и эта оппозиция проявлялась как на уровне символического пространства, отделявшего центр города от его окраин, так и на уровне ритуала-шестивия, в который вовлекались «свои» и которым отторгались «чужие».

В контексте событий, осмысливавшихся как символически переходные, поведение людей — групповое, индивидуальное, на уровне лидеров — было повышено семантичным. Поэтому особый смысл покушения на завоеванное пространство и восставления того, «что было прежде», военнотружашие усматривали, казалось бы, в привычных и знакомых картинах повседневной жизни городского центра. Летом 1917 г. к этой будничной жизни кто-то относился с яростным негодованием, кто-то с иронией и сарказмом, которые чувствуются в стихотворении В. Фролова. Автор, служивший писарем в Свеаборге, в 1917 г. опубликовал в Гельсингфорсе несколько стихотворных сборников. В стихотворении «Штрихи», написанном в форме шуточного послания «дядюшке», он нарисовал картинку повседневной жизни крепости и показал беспокойную обстановку в Гельсингфорсе:

...Если в город приезжаю,
То брожу по Эспланадной
Среди публики нарядной.
Вечно ясная погода.
Много праздного народу.
Повергают в умиление
Мою душу, наслаждение
Навевает мне бряцанье
Шпор военных.
...Ах, забыл, со дня восстанья
В Петрограде к нам вниманья
Здесь немало проявили.
Офицеры порешили
На другой же день согласно,
Что служить без них (погон. — Е. Д.)
— ужасно,
И с девизом «Единенье!»
Нацепили украшение
Все зараз к себе на плечи,
Но... опасны эти речи...

В стихотворении звучат отголоски перипетий «погонной революции», потрясавшей Балтийский флот в апреле 1917 г. и ставшей едва ли не самым ярким проявлением разрушительных действий восставших по отношению к прежним символам господства/подчинения.³² Ношение погон балтийскими моряками было отменено приказом № 125 командующего флотом А. С. Максимова от 15 апреля. Отчасти это было продиктовано необходимостью избежать новых случаев насилия над офицерами, подобных тем, что стали печально известны всей стране в связи с расправами на кораблях и в городе 4–5 марта.

Жители финляндской столицы обнаруживали последствия нововведений буквально «под ногами» на улицах Гельсингфорса. Согласно апрельской дневниковой записи И. И. Ренгартена, «командующий флотом и комендант крепости издали приказы, и это было приведено в исполнение. Но при этом сделали уличный беспорядок: улицы Гельсингфорса полны груд матросских и солдатских погон — они снимают их с себя и друг с друга и бросают на мостовую. Со встречающих офицеров, еще не знавших о приказе, тоже снимали погоны — вообще, это явное желание унижить».³³

Обращаясь к солдатам и матросам, свеаборгский артиллерист Д. Усов убеждал: «Мы теряем достоинство, останавливая на улицах Гельсингфорса своих товарищей — солдат, матросов и офицеров, срезая с плеч погоны без всякого на то основания от представителей наших депутатов. Почему бы не вынести распоряжение снять погоны через комитет? Совестно это делать свободному гражданину, портить своему же товарищу одежду», ведь «через постановление депутатов погоны сняли бы все без исключения сами».³⁴

Однако ритуализированный характер девиантного поведения на улицах Гельсингфорса, все-таки воспринимавшегося военнослужащими как «чужое» пространство, строился на отрицании обычных этических норм. Стратегия такого поведения, ориентированная на нанесение оскорбления явным или мнимым приверженцам самодержавной власти, должна была «принизить» социальный статус противника. Срезание погон и демонстративное их выбрасывание подразумевало не только «очищение» от символов прошлого.

Границы между «своим» и «чужим», установившиеся в первые дни революции, по прошествии времени утрачивали силу и оказывались размытыми. Наряду с семантикой разграничения «освоенного» и «неосвоенного» пространства и десакрализацией морально устаревших символов царской армии в виде срезания погон и их бросания на мостовую (сходное с популярным в плакатной символике мотивом «попирания разбитых цепей») служило восстановлению нарушенных связей внутри сообщества моряков и армейцев перед лицом враждебного внешнего мира.

Нежелание соблюдать правила этикетного поведения, в том числе и поведения на улице, приобретало особую значимость в упорядоченной жизни финляндской столицы. Шокировавшее очевидцев стремление рядовых двигаться по проезжей части, а не по тротуарам достигало такого эффекта потому, что прежде контроль за соблюдением порядка передвижения в великокняжеской столице возлагался именно на военных.

Подобное поведение, входящее в кодекс захватчика на оккупированной территории, все же не было типичным для солдат и матросов, остававшихся в бывшей великокняжеской столице вплоть до вывода российских войск из Финляндии весной 1918 г. Их больше беспокоила пусть даже мнимая опасность утраты уже «освоенных» ими городских пространств и объектов. Подозрения в «покушениях» такого рода вызывали ярость рядовых по отношению к офицерам и военным чиновникам. Осенью 1917 г. перипетии возникли между членами гельсингфорского матросского клуба и врачами морского госпиталя.

В представлениях рядовых военнослужащих «освоенные» городские объекты бывшей великокняжеской столицы тесно связывались с завоеваниями революционного времени и становились символами этих завоеваний, которые необходимо было уберечь от поглощения «чужой» средой. Угроза им виделась не столько со стороны внешнего противника, сколько от «внутреннего врага» в собственном окружении. Вражеские аэропланы и опасность, которую нес неприятель городу, воспринималась как намного меньшее зло, чем «происки» командного состава российской армии и флота, а любые действия офицеров неизбежно предполагали «презумпцию виновности».

Подводя итог исследованию вопроса о том, какое влияние оказывала имперская символика Гельсингфорса на восприятие российскими военными места прохождения их службы в годы Первой мировой войны и в период революционных потрясений 1917 г.,

а также, как в обстановке первых месяцев революции символы прежней власти трансформировались и заменялись новыми, нужно отметить следующее.

Гельсингфорс, ставший столицей Финляндии вскоре после ее присоединения к России, изначально строился как город, не связанный с памятью о шведском прошлом. К концу XIX в. он сам стал символом имперской власти в Великом княжестве, противопоставлявшимся прежней древней столице Або (Турку). В его архитектуре и планировке имперская и административная символика поддерживали друг друга и должны были напоминать российским военным о могуществе и величии государства, на страже которого они призваны были стоять здесь, в Финляндии, прикрывая с моря столицу империи.

Служившим в Гельсингфорсе офицерам, солдатам и матросам во время увольнения в город приходилось «обживать» незнакомую территорию с ее площадями, улицами, парками, привыкать к иноязычным топонимам и выстраивать свои отношения со зданиями, памятниками и другими объектами городской среды. Многие из пространств города носили русские названия, другие же неофициально переименовывались военными по ассоциации со знакомыми местами, прежде виденными в России (знаменитые «Карпаты» в Брунс-парке).

Постепенное освоение города позволяло военным составить семиотическую «шкалу ценностей» различных точек на плане Гельсингфорса. Символические противостояния, в том числе и на уровне городского пространства финляндской столицы, стали частью Первой мировой войны наряду с конфликтами между военными и гражданской администрацией Великого княжества, с насаждением чрезвычайных мер военного времени в качестве государственной политики и общей атмосферой взаимного недоверия между российскими военными и жителями Финляндии.

В дни Февральской революции 1917 г. в Гельсингфорсе матросы и солдаты придавали первостепенное значение символическому завоеванию особо отмеченных знаками «имперского присутствия» мест города, таких как его центральные площади и улицы, здание бывшего царского дворца, дом финляндского генерал-губернатора, Александровский театр.

В ритуализированном поведении нижних чинов во время шествий, демонстраций и митингов тенденция к расширению «своего» пространства проявлялась в спонтанно избираемых маршрутах из периферии «освоенного мира» в центр города. Превращению сферы «чужого» в «свое» способствовало использование музыкальных и графических символов революции, клишированных жестов, таких как обмен красными лентами и бантами, что позволяло россиянам и финнам без перевода понимать друг друга, а также намеренные нарушения норм поведения (попытки разрушить памятники, напоминавшие о рухнувшей империи, срезание погон с форменной одежды офицеров и рядовых и т. п.).

Весной 1917 г. на митингах на Сенатской площади или в «Рабочем доме» в Сернесе российские военнопленные объединялись с финскими рабочими, которые пытались привлечь радикально настроенных рядовых к своей борьбе за установление 8-часового рабочего дня или за принятие сеймом закона о коммунальном самоуправлении. Места проведения их совместных манифестаций и митингов все чаще совпадали с дореволюционной топографией протестных действий горожан, а маршруты демонстраций становились более упорядоченными.

Однако шествия, спланированные финнами, не предполагали прохождения мимо главного из прежних имперских символов города — бывшего царского дворца, что

обязательно предусматривалось во время парадов, организованных русскими военными. Финляндцы сохранили и свои традиционные места проведения митингов, на которые предпочитали собираться без участия солдат и матросов (таким стал сквер на Эспланаде возле памятника выразителю финских национальных устремлений Й. Л. Рунебергу).

Наряду с символическим разрушением «имперского наследия», имевшим место весной–летом 1917 г. в Финляндии, как и по всей стране, особенности революционного процесса, вызванные национальным составом гражданского населения города и сохранявшимся автономным положением бывшего Великого княжества в составе России, накладывали отпечаток на умонастроения военных, служивших в Гельсингфорсе.

Символический переворот, сопровождавший переворот политический, воздействуя на эмоциональную сферу участников этих событий безусловно способствовал повышению конфликтности социальных и этнических отношений в Финляндском княжестве.

Наряду с уже «освоенными» семиотизированными объектами городского пространства, каким стали Марининский дворец — место нахождения Исполкома Гельсингфорского совета, высшего выборного органа власти военнослужащих, или бывшая царская яхта «Штандарт», на которой разместился Центральный комитет Балтийского флота, появлялись и новые, практически лишенные связи с прежней имперской символикой. Летом одним из объектов «повышенной значимости», требующим совместного «освоения» радикально настроенными финнами и военнослужащими, неожиданно оказался главный лютеранский собор города. Новой «святыней» для солдат и матросов становились здания матросского и Артиллерийского клубов, позже — клуба анархистов вблизи гельсингфорского порта.

В условиях снижения привычной воинской дисциплины и в соответствии с представлениями рядовых о наступившей «свободе» пространство города подчас воспринималось ими как место проведения ежедневного праздника с импровизированными представлениями, привлекавшими как военнослужащих, так и горожан. Подобные «карнавальные» представления с участием казаков-кубанцев летом 1917 г. в течение нескольких дней разворачивались вблизи артиллерийских казарм и завода Николаева.

Один из трех казаков, «испачкавших лица сажей», по свидетельству очевидца, «одевал на себя искусственное изображение лошади» и «представлял коня и всадника одновременно», «показывал, как лошадь пьет», двое других «погоняли его хвостом», пытались продать «хорошую кобылку» проезжавшим мимо на извозчике финнам, а те «торговались», зараженные общим весельем.³⁵

И горожане, и российские военнослужащие — недавние подданные империи, почувствовавшие себя гражданами, зачастую воспринимали политический переворот как ритуальное праздничное «действие», в которое включалось городское пространство финляндской столицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: Дубровская Е. Ю. Первая мировая война в Финляндии: Империя против нации, российская армия против финляндцев // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 169–194.

² *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 64–65; *Кетала Э.* Русская революция и независимость Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: Массы,*

партии, власть. СПб., 1994. С. 292–293; *Хяккинен И., Цеттерберг С.* Финляндия вчера и сегодня: Краткий исторический очерк. Йошкар-Ола, 1997. С. 72.

³ *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии. Helsinki, 1990. С. 6–7.

⁴ Подробнее см.: *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208–220; Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб., 2003. С. 230–231; *Hellberg-Him Å.* Символика Петербурга: Тема пространства // *Studia Slavica Finlandensia.* 1996. Т. 13. С. 68–88.

⁵ *Vyckling L.* Aleksanterin Teatteri 120 vuotta. Helsinki, 2000; *Pakarinen R.* The Russian builders of Helsinki // *Venäläisyys Helsingissa 1809–1917.* Helsinki, 1984. S. 99; *Käsänen A.* Bulevardin ooperatalo tyhjenee ensi kesänä // *Helsingin Sanomat.* 1993. 13.01.

⁶ *Bonsdorf Å., Smedslun T.* Helsingin Venäläinen Sotilassairala. Helsinki, 1969. S. 46.

⁷ *Kahsallisarkisto (КА)* — Национальный архив Финляндии. Фонд «Русские военные бумаги». Д. 17247; См. об этом: *Дубровская Е. Ю.* Российские войска в Финляндии накануне Первой мировой войны // Скандинавские чтения 2000 г. СПб., 2001. С. 467–478.

⁸ SKS Arkisto (Архив Финского литературного общества). «1918» kokoelma. Side 41. S. 92. *Anni Jortikka.*

⁹ КА. ККК Fb 916 («Бумаги финляндского генерал-губернатора»).

¹⁰ Цит по: *Русский вестник.* Гельсингфорс, 1918. 24 апр.

¹¹ *Хеллман Б.* Александр Куприн в Хельсинки // *Куприн А. И.* Мы, русские беженцы в Финляндии... СПб., 2001. С. 7–22.

¹² Цит. по: Там же. С. 344, 424.

¹³ *Бажанов Д. А.* Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2004. С. 155–164.

¹⁴ *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 71.

¹⁵ *Бажанов Д. А.* Матросы и берег. С. 155–157.

¹⁶ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 406.

¹⁷ *Den Rysska militärens sjungande på gatorna* // *Nya Pressen.* 1914. 6 Mars.

¹⁸ Цит по: Обыкновенная история // Финляндская газета. 1914. 8 (21) марта.

¹⁹ *Eerola Ja.* «Siunattu olkoon turvamme tuoja...»: Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsingin yliopisto. Humanistinen tiedekunta, Historian laitoksen. Progradu työ, 1995. Liite 2; *Дубровская Е. Ю.* Роль Балтийского флота в обеспечении безопасности Петрограда в 1914–1917 годах // Петербургские чтения 98–99. СПб., 1999. С. 639.

²⁰ *Eerola Ja.* «Siunattu olkoon turvamme tuoja...» Liite 7; *Звоначев Г.* Наши пехотные части в Гельсингфорсе: (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс, 1917. С. 2.

²¹ SKS Arkisto. «1918» kokoelma. S. 95.

²² *Ibid.*

²³ Наши гости // Гельсингфорский приходской листок. 1914. № 1. С. 7–8; Больницы // Там же. № 3. С. 19; Среди больных и раненых воинов // Там же. № 9. С. 7–8; *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917). Петрозаводск, 1992. С. 24.

²⁴ *Halen H.* Helsingin venäläinen sotilashautausmaa Taivallahdessa 1826–1918. Helsinki, 2001.

²⁵ Карикатура «Веселье на Гельсингфорских Карпатах» // *Моряк.* 1917. № 4. С. 95.

²⁶ КА. «Русские военные бумаги». Д. 11970. Письма в редакцию «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих (РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. То же).

²⁷ Гри-Кри. Две встречи // *Моряк.* 1918. № 6. 2 марта. С. 127.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120. Л. 36.

²⁹ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 22 марта.

³⁰ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. док. М.; Л., 1957. С. 29.

³¹ Подробнее об этом см.: *Дубровская Е. Ю.* Русский Гельсингфорс в 1917 году: Политичес-

кие топографии города // Культуры городов российской империи на рубеже XIX–XX веков: Междунар. коллоквиум: Научные доклады. СПб., 2004. С. 200–221.

³² Эта тема нашла отражение как в обширной мемуарной литературе, так и в новейших исследованиях. См.: *Колоницкий Б. И.* 1) Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001;

2) Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции. СПб., 2001. С. 162–197.

³³ РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 220. Л. 22.

³⁴ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 20 апр.

³⁵ Там же.

А. Н. Чистиков

БУДУЩИЕ УПРАВЛЕНЦЫ: СТУДЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ТОВ. ЗИНОВЬЕВА В 1920-е гг.

Расстановка своих сторонников на руководящие посты в органах власти и управления стала для большевистской партии с Октября 1917 г. ключевой задачей. Это гарантировало обладание властью и облегчало распространение коммунистической идеологии в стране. Старые управленцы не были надежной опорой нового режима, поэтому с самого начала большевики обратили пристальное внимание на создание собственных кадров, в частности через сеть партийных учебных заведений.

Советские историки обращались к этой теме при изучении как общих вопросов партийного строительства, так и конкретной истории разных типов партийных учебных заведений¹ и были единодушны в главном: эти заведения дали «многочисленную и квалифицированную армию партийных и советских работников»² из рабочих и крестьян.

Высшее место в структуре партийных учебных заведений занимали коммунистические университеты. Возникшие в большинстве своем в начале 1920-х гг., они явились, по признанию современников, главнейшим резервом выдвижения работников.³ Выпускники комуниверситетов направлялись на руководящие должности в государственные, партийные, профсоюзные, хозяйственные и иные органы и организации. Что представляли собой будущие руководители? На кого опиралась центральная власть в годы первых пятилеток, индустриализации, коллективизации и большого террора?

В какой-то степени ответ на эти вопросы можно получить при изучении материалов Петроградского коммунистического университета им. тов. Зиновьева (Ленинградского коммунистического университета) первой половины—середины 1920-х гг., времени, когда шло становление системы подготовки и воспитания кадров.

Зиновьевский университет, как его порой называли в обиходе, вел начало от инструкторской школы, основанной по инициативе заведующей иногородним отделом при исполкоме Союза коммун Северной области С. Н. Равич в 1918 г. Вскоре после открытия школа стала называться Первым рабоче-крестьянским университетом им. тов. Зиновьева и до начала 1921 г. успела сделать несколько выпусков «зиновьевцев».

Новый этап в развитии университета наступил в 1921 г., когда его реорганизовали по типу московского Коммунистического университета им. Свердлова (Свердловского